

ПЕТУХИ и КОРОЛИ

АЛЕХАНДРО РОСЕС

Филиппины

НУ УЖ этого петуха никто не побьет! Такие слова я слышал от моего брата Кико множество раз. И всякий раз просаживал из-за него кучу денег. Взять хотя бы историю с заговоренным петухом — тогда он утверждал, что у его бойцового петуха кожа совершенно непробиваема. У одного полицейского был антинг-антинг¹, который он заполучил от арестованного уголовника-моро². Кто носил этот антинг-антинг, у того кожа была заговоренная — он мог не бояться никакого нападения. Вот Кико и купил этот талисман для своего бойцового петуха. А мне объявил, что он, мол, выложил за амулет баснословную сумму, у него не осталось ни гроша и теперь ему нечего поставить на своего петуха. Поэтому он приглашает меня в компаньоны: петух и амулет — его, деньги — мои. Я принял предложение, хотя и до сих пор сам не понимаю, почему. В то воскресенье я не мог пойти с Кико на петушьи бои — мать заболела, и пришлось мне остаться с нею. Так что Кико отправился один, прихватив своего бойцового петуха и мои деньги. Я с тревогой дожидался его возвращения.

Не успел он войти в дом, как я спросил: — Ну, что там было?

— Видишь ли, — ответил Кико, скребя в затылке, — это длинная история.

— Ну как, выиграли мы? Заговор подействовал?

— Да, да, амулет сработал.

— Вот здорово! — сказал я. — До чего же я рад! И сколько же мы выиграли?

— Видишь ли, компаньон, — изрек Кико, — пожалуй, лучше будет, если я расскажу тебе все с самого начала.

— Валяй, — сказал я. — Просто умираю, до чего интересно.

— Ну вот, прежде всего пошел я в город и там заставил петуха проглотить амулет. Ясное дело, после этого петух стал совершенно неуязвимым.

¹ Антинг-антинг (тагалеск.) — амулет.

² Моро — так называют на Филиппинах местных мусульман.

Я же говорил, что так будет. Во время боя все наступательные маневры его противника оказались бесплодными.

— Так-так. Ну дальше, дальше!

— Как я уже сказал, противник не смог причинить нашему петуху никакого вреда.

— Ну а потом?

— Потом наш петух перешел в атаку, он бросился на противника и нанес ему удар колоссальной силы. Хочешь верь, компаньон, хочешь нет — он разорвал противника пополам.

— Ух ты! И это, значит, принесло нам победу?

— Нет, компаньон, это принесло нам поражение.

— Минутку, минутку... Что-то я не пойму. Ты же сказал, что наш петух разорвал противника пополам. Верно?

— Верно.

— Так я и понял. Значит, мы выиграли.

— Нет, компаньон, мы проиграли.

— Програли? Почему же?

— Вот это я и пытаюсь тебе втолковать. Мы проиграли вот почему: когда наш петух увидел, что его противник развалился на две части, он решил, что теперь у него два противника, и бросился наутек.

— Значит, вышла ничья.

— Нет, компаньон. Мы проиграли.

— Почему?

— А потому, что другой петух исхитрился сделать вид, будто он сдох, бросаясь в атаку. Ты же знаешь, как решается дело в таких случаях: если петух убежал, он считается побежденным.

— Ты хочешь сказать, что противник сумел, как положено, нанести два удара клювом?

— Ну да, компаньон.

— Да как же он изловчился? Ведь наш петух разорвал его пополам!

— Понимаешь ли, компаньон, это такой рефлекс. Что ты так удивляешься? Посмотрел бы ты на змею. Я сам видел — змею разрежут пополам, а она после этого еще сколько времени извивается, даже укусы может.

— Так то змея. А это петух. И потом — как это может быть, чтобы один петух разорвал другого пополам? В петушиной ноге нет такой силы.

— А эту силу ему дал амулет, понимаешь, компаньон? Я же тебе говорил — это мощный амулет. От него наш петух стал неуязвимым и ужасно сильным. Пожалуй, даже слишком сильным, это ему и повредило. В науке это называется — точка убывания прибылей. Ты знаешь, что это такое, когда будешь учить в школе экономику.

— Послушай, Кико. Ну проиграл наш петух, и ладно. Но для чего тебе нужно было все это наворачивать?

— Ты это о чем?

— А вот о чем: для чего ты уверял меня, будто наш петух неуязвимый?

— Он и был неуязвимый.

— Но как же неуязвимый петух мог проиграть?

— Я ведь тебе только сейчас все объяснил, компаньон. В конце концов я сказал только, что он неуязвимый. Я же не говорил, что он непобедимый. А это, знаешь ли, большая разница. Сдается мне, что ты все перепутал, компаньон.

— Так, ясно. Ну а где же петух? Хотелось бы взглянуть на него.

— Петух? Какой петух? Ах, петух... Ну да, петух. Это второе, о чем я собирался тебе рассказать. Я... я его прикончил.

— Прикончил? Но почему?

— Так он меня возмутил... Подумать только! По-

вернул хвост и пустил прахом все наши деньги... Вот я его и прикончил.

— Но каким же образом? Ты ведь сам говорил, что он неуязвимый.

— Ну да, он и был неуязвимый. Я утопил его в реке, по дороге домой. У того, кто проглотил антинг-антинг, кожа непроницаемая, но утонуть-то он может, от этого амулет не спасает! Ты ведь и сам это знаешь, компаньон.

— Но где же он, где этот утопленник? Почему ты его не принес? Ведь ты всегда приносишь убитых петухов домой, чтобы мать их зажарила.

— Только не этого, компаньон. Из него ничего не приготовишь. Мясо у него стало совсем жесткое — из-за амулета. Как же мать сможет его зажарить? Да, кстати, ведь она больна и готовить не может. Между прочим, как ее здоровье? Лучше ей?

— Мать тут ни при чем. Слушай, а может, петух все-таки не был неуязвимый? Может, ты не принес его потому, что он весь изранен и ты не хотел, чтобы я это видел?

— Да что ты, конечно, нет! Я даже не понимаю, с чем ты говоришь.

— Прекрасно понимаешь. Ты уже не первый раз просаживаешь мои деньги на петушинные бои. Помнишь того петуха — у него было на ноге семь чешуек неправильной формы? Тогда ты меня уверял, что уж его-то никто не побьет, потому что семь таких чешуек означают семь добродетелей. А его все равно побиили.

— Но я же объяснил тебе: его побиили потому, что смертных грехов тоже семь.

— Почему же ты тогда не выложил мне все это перед боем? И потом вот что: мне просто интересно, которая половина противника ухитрилась нанести нашему петуху два решающих удара?

— Та, что с клювом, — ответил Кико.

С меня довольно, решил я. Больше я о бойцовых петухах знать не желаю. Несколько месяцев я совсем не ходил на петушинные бои. Мало того, я перестал делать ставки заочно. По правде говоря, я решил не вступать ни в какие разговоры о петухах и даже с цыплятами имел дело только тогда, когда ел их. Кико, разумеется, лез из кожи вон, чтобы снова приохотить меня к петухам. Он пользовался каждым случаем, чтобы вернуть в любой наш разговор что-нибудь про петухов.

Как-то раз, к примеру, говорили мы о взятках и коррупции в правительстве. Вдруг Кико прервал меня:

— Слышишь, петух пропел!

— Нет, — сказал я. Я мог голову дать на отсечение, что ни один петух и не собирался петь.

— Да, кстати о петухах, — сказал Кико. — Видел ты моего нового, красноперого петуха...

— Прекрати! — оборвал я его. — Сказано тебе: я больше про петухов слышать не желаю. Они у меня уже в печенках сидят, черт побери!

Убедившись, что я твердо решил держаться подальше от петушинных боев, Кико избрал другую тактику. Он применил сложный психологический подход. Как-то раз он признался мне, что амулет не сработал. Но тут же сказал, что вовсе не собирался меня обманывать, и всю вину свалил на полицейского, продавшего ему этот амулет. Он пригрозил даже вздуть полицейского, когда будет в городе, — пусть только тот на глаза ему попадется! Но даже эти подходы не могли возродить у меня интереса к петушным боям. Чтобы вновь втянуть меня в это дело, потребовался Король-петух.

Этот самый Король-петух был отчасти и моим творением. Однажды учитель дал нам задание: за-

писать какую-нибудь легенду в нашем поселке. Я отправился к Лакай Кардо, и тот рассказал мне народное предание о происхождении петухов.

Вот эта легенда в том виде, как я записал ее для учителя:

«За много тысяч лет до испанского завоевания жил-был добрый и могущественный король. Были у него два сына-близнеца. Когда король умер, близнецы перессорились из-за отцовской короны: каждый доказывал, что он единственный и законный наследник престола. Ссора эта так разгневала Батхалу³, что он их проклял. Едва произнес он слова проклятия, как оба королевича покрылись яркими перьями, руки их стали крыльями, ноги усохли, голени обросли плотными чешуйками, ступни превратились в лапы с когтями, носы и подбородки слились в твердый клюв, глаза очутились на месте ушей, и в довершение всех бед на голове у каждого выросла корона из его же собственного мяса. Батхала обратил королевичей в петухов!

Но так велика была власть старого короля, что мы ощущаем ее и поныне. Едва прокричит петух, все люди — начиная с самого президента — поднимаются с постели. А потомки короля и сейчас еще норовят сорвать друг у друга корону с головы».

Кико прочитал мое изложение и сказал: — Очень интересно. А знаешь, по-моему, тебе надо заняться писательством всерьез.

Если бы Кико ограничился только этими комментариями... Так нет же, совершенно неожиданно для меня, легенда о происхождении петухов натолкнула моего брата на новые идеи. И они так завладели им, что через несколько месяцев он подошел ко мне и объявил:

— Пойдем со мной. Я хочу тебе кое-что показать.

Мы спустились по лесенке во двор. Там расхаживал на привязи великолепный петух.

— Смотри, — сказал Кико, — это Король-петух. Я искал его повсюду с тех пор, как прочел твоё сочинение. И вот — нашел.

— Симпатичный петушок, — сказал я. — Не понимаю только, причем тут мое сочинение?

— Не понимаешь? — удивился Кико.

— Нет.

— А помнишь, что ты писал насчет петушиного гребня?

— Ну, помню.

— Так вот, взгляни-ка на его гребень.

Я поднял петушка. Гребень у него и вправду был не такой, как у других петухов. Обычно гребешок бывает плоский, продолговатый, а этот был круглый, в форме короны. Но все-таки мне было невдомек, какая связь между этим необычным гребнем и моим сочинением.

— Ну как ты не понимаешь? — Кико уже начинал злиться. — Это же Король-петух. Гребни есть у всех петухов, но только у этого гребень, как корона. А почему? Да потому, что это самый настоящий Король-петух. Он и есть законный наследник престола.

— Ну и что?

— А то, что он непобедим. Разве может Король-петух оказаться побежденным?

— Слушай, а к чему ты мне все это говоришь?

— Я хочу, чтобы ты помог мне подготовить эту царственную птицу к бою. Для нас это шанс сорвать большой куш. Ну как? Идет?

Подготовить Короля к бою было делом неслож-

³ Батхала — верховное языческое божество у филиппинцев до обращения их в христианство.

ным. Мой братец решил, что обычные приготовления не нужны. Он и не подумал вырвать у петуха шпоры. Или подрезать ему перья. Или снять у него гребень, сережки и ушные мочки.

— Это все нужно простым бойцовым петухам, а не царственным птицам, — объявил Кико. — Корона — это *sine qua non*⁴ для всякого короля. Наш петух должен выйти на арену во всем блеске.

Поэтому нам оставалось привести короля в форму, то есть укрепить ему мускулы и согнать жир, особенно с внутренностей, потому что жир дает излишний разогрев и вызывает быстрое утомление. Единственное, что мы должны были делать, — это правильно кормить Короля и каждый день его тренировать. Диетой и тренировкой мы согнали с петуха жир и укрепили его мускулы. Не прошло и месяца, как он уже был в прекрасной форме.

В день боя мы с братом поднялись чуть свет. Кико вынул петуха из клетки и бросил его на землю. Король величественно взмахнул крыльями и закукарекал, словно солнце взошло специально для того, чтобы услышать его пение. Сомнений не могло быть — он был готов к бою. В нем трепетал каждый нерв, он жаждал схватиться с противником, чтобы сразить его. По правде говоря, мне казалось, что никогда я не видел его в такой прекрасной боевой форме. Увенчанный тяжелой короной, он был царственным, как ананас. Кико поднял Короля с земли, и мы отправились к арене для петушиных боев.

По дороге мы завернули к дону Висенте Валенсуэла, чтобы одолжить у него старую петушину шпору. Она хранилась у него в качестве реликвии со времен кофейного бума 80-х годов, когда, если верить слухам, бойцовым петухам надевали шпоры из литого золота. Острие ее было из толедской стали, а раздвоенный зажим инкрустирован золотом. Это было замечательное произведение искусства. «Только такую шпору и подобает надевать Королю!» — объявил Кико. Дон Висенте охотно предоставил ее нам. От него мы с Кико направились к арене. Не прошло и минуты, как к нам подошел человек, державший холоанского⁵ петуха, и вызвал нашего на бой. Даже если бы мы с Кико очень постарались, едва ли нам удалось бы подыскать для Короля такого невзрачного противника. На шее у него торчало несколько перьев, он был общипанный, полудохлый. Мы с Кико тут же приняли вызов.

После обычных приготовлений обоих петухов выпустили на арену. Холоанский петух не проявил никакого уважения к персоне королевской крови. Стоило ему коснуться земли, как он пулей бросился на Короля. Король так наподдал ему снизу, что холоанец перекувырнулся на спину и задрывал лапами в воздухе. После этого они снова стали друг против друга.

Король попытался было ухватить холоанца за голову, но хватать, в сущности, было не за что: голова была, как обчищенная, — ни одной мясистой складочки, за которую можно было бы уцепиться. А у нашего Короля, наоборот, корона служила противнику идеальной мишенью. Холоанскому петуху удалось пару раз основательно ущипнуть Короля за гребень, и тот очутился в самом плачевном положении. Холоанец свободно мог наносить нашему Королю удары, куда ему заблагорассудится. Потом оба петуха перешли к отвлекающим маневрам, наскивая друг на друга. Каждый старался захватить противника врасплох.

Вот холоанец прыгнул. Король инстинктивно присел. На какую-то долю секунды он очутился в выгодной позиции. У холоанца оказалось открытым сердце и другие уязвимые места, а у Короля — только спина и голова. Но Король не сумел использовать это преимущество. Холоанец ринулся на него и нанес ему удар в темя. Вообще-то голову легко отвести от удара, но на сей раз дал себя знать двойной вес королевской «короны». Наш петух уже не в силах был вертеть головой так быстро, как вначале. И потому, когда на него обрушился удар, он не сумел вовремя отклонить голову. Стальная шпора пронзила корону и впилась в череп его королевского величества. Что и говорить, тяжела голова, увенчанная короной!

Я был так ошеломлен, что сперва не мог вымолвить ни слова. Один из распорядителей подал нам нашего петуха. Он был мертв. Голова его свисала, как свинцовое грузило. Взяв петуха за хвост, я повернулся к Кико: — Если не ошибаюсь, ты утверждал, что это Король-петух?

— Он и был Король.

— Так почему же он потерпел поражение?

— Господи помилуй! — взорвался Кико. — Не станешь же ты убеждать меня, что до сих пор веришь в божественное происхождение королей! Мы живем в эпоху простого человека. Эра королей миновала. Ты что, ничего не слышал о подъеме народных масс? Надо бы тебе как следует приналечь на историю!

Перевела
С. Митина

АБДУРРАУФ БЕНАВА

Афганский поэт

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Вражды и ненависти сети
мы разорвем — рука сильна,
любовь и братство мы расеем
среди людей, как семена!

С лица земли во имя жизни
мы вырвем, друг, до одного
все жала колониализма,
все корни черные его!

А кучке злобой опаленных
могилу выроем в пыли
во имя счастья миллионов,
во имя счастья всей земли!

Перевел
Алексей Заурих

⁴ Непременное условие (лат.).

⁵ Холо — остров на юге Филиппин.